

Феликс Светин

*Кубанские
казачи*

Феликс Светин

Кубанские казаки

«Автор»

2026

Светин Ф. А.

Кубанские казаки / Ф. А. Светин — «Автор», 2026

Небольшая повесть о не простой судьбе талантливого художника Геня Краснова который по воле судьбы стал носить прозвище "Кубанские казаки".

Замысел автора заключался в том, чтобы в жатом виде описать сложности жизни через которые может пройти творческий человек, оставаясь при этом - творческим человеком. Автор соединил в главном герое биографии реально живших людей, а также включил в повесть реальные исторические факты. Цель автора заключается в том чтобы читатель задумался о времени, творчестве и жизни в целом.

© Светин Ф. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Феликс Светин

Кубанские казаки

Глава

Посвящается матерям...

1. Талантливый мальчик из Забайкалья

По мнению многих историков и искусствоведов, название музыкальному художественному фильму, снятому Иваном Пырьевым в начале пятидесятих годов двадцатого века, дал сам Иосиф Сталин. Вождю приписывают фразу, сказанную им после первого просмотра: «А всё-таки неплохо у нас обстоит с сельским хозяйством». Он же и дал фильму название – «Кубанские казаки».

Однако для абсолютного большинства жителей Сдвиженска словосочетание «Кубанские казаки» никакого отношения Пырьеву и тем более к Сталину не имело. Дело в том, что «Кубанские казаки» – это было прозвище, довольно странное, но тем не менее. Его носил удивительный человек – Гений Иванович Краснов – невероятно талантливый художник, который тридцать лет проработал простым сторожем в средней школе № 7 города Сдвиженска. Но его скромная должность никак не мешала быть ему местной знаменитостью, известной каждому жителю этого маленького городка.

Жизнь – штука серьёзная, и она порой монтирует людям такие биографии, которые нарочно не придумаешь... Итак...

Родился «Кубанские казаки» в Читинской области. Его родители Иван и Ефросинья Красновы были выходцами из простых крестьянских семей; поженившись, решили изменить своё будущее и в начале тридцатых отправились в Читу в поисках лучшей жизни. Но до Читы не доехали по никому уже неизвестным причинам. Остановились на станции – посёлке Борзя.

Ивана Краснова – крепкого, сильного, смекалистого парня, который недавно отслужил срочную службу в РККА, без лишних разговоров взяли рабочим на железную дорогу. А тихую и добрую Фросю устроили санитаркой в местный медицинский пункт. Молодой семье дали отдельную крошечную комнату в построенном из железнодорожных шпал бараке, но по тому времени и по тем местам это считалось очень хорошим жильем. Там холодным вечером конца октября 1934 года у Ивана и Фроси родился первенец. Взгляд его младенческих глаз был настолько осознан и глубок, что по совету принимавшего роды врача родители решили назвать ребенка Гением.

Маленький Гений рос спокойным не по годам смыслённым ребенком. Когда ему исполнилось три года, отец принёс непонятно где им добытую коробку с цветными карандашами. С этого момента жизнь мальчика стала другой: он начал рисовать...

В поселковом детском саду, куда его определили в три года, воспитатели и нянечки, показывая рисунки Гения его матери, говорили всегда ей одно:

– Мамаша! Ваш Гений настоящий гений! У него большое будущее. А Ефросинья плакала от счастья.

И всё было хорошо до тех пор, пока в июне 1941 года по радио не запели: «Вставай, страна огромная!» Родители сказали мальчику, что началась война. Гению казалось, что так неожиданно начавшаяся война, о которой говорили все взрослые, далека. Он считал, что она быстро закончится, так же как началась, и никаким образом не коснётся его и родителей, их настоящего и будущего. К сожалению, он ошибался...

Ранним утром первого сентября Гения разбудил отец:

– Сынок, ты сегодня идёшь в школу, в первый класс, учись хорошо, слушайся учительницу. Его слова были серьёзными как никогда.

– Батя, а ты меня проводишь в школу? – по-детски непосредственно спросил Гений.

– Нет, сынок, сегодня не получится, я ухожу на фронт... Но я вернусь, когда немцев победим, и я буду часто провожать тебя в школу. Иван поцеловал сына и накинуд на плечи вешмешок.

Ефросинья зарыдала, уткнувшись лицом в подушку. Иван хотел было её успокоить, но не стал, молча вышел из барака, закурил папиросу на крыльце и бодрым шагом отправился на сборный пункт. А Гений долго смотрел из окна вслед шагающему по пыльной дороге отцу.

Гений не знал и не мог знать, даже подумать не мог, что в то сентябрьское утро он видел своего отца в последний раз...

«Красноармеец Иван Краснов пал смертью храбрых 30 декабря 1941 года в составе 43-ей армии при освобождении города Малоярославец во время контрнаступления по Москвой», – так было написано в похоронке.

Когда мать получила в начале марта сорок второго года эту похоронку, она даже не заплакала... Она за несколько минут постарела на много лет, молча легла на кровать и крепко заснула, а утром проснулась абсолютно седой.

Трудно себе представить, что чувствовал ещё совсем маленький мальчик, видя такие страшные переживания самого близкого человека. Тем более он прочитал жуткие строки, написанные от руки на пожелтевшем листке бумаги, который лежал на столе. Всю ночь Гений не смог уснуть: он плакал, вспоминая отца, плакал от страха, что что-то нехорошее может случиться с матерью, жутко злился на проклятых немцев. Утром он подошёл к лежащей на кровати маме, взял её за руку и сказал:

– Мама, я знаю, что батю убило на фронте, теперь я буду у нас батей, я буду очень хорошо учиться и пойду работать, чтобы тебе помогать. Эти слова он говорил так, как будто ему было не семь лет, а значительно больше.

– Спасибо тебе, сыночек мой миленький! Ефросинья крепко обняла сына: она поняла, ради чего и ради кого стоит теперь продолжать жить!

Гений сдержал своё обещание матери. Он учился лучше всех в школе и по всем предметам всегда имел только отличные оценки. А дома он был главным помощником выбивавшейся из сил на работе матери. Колот дрова, приносил воду, стряпал нехитрую еду. Но главное...

В Борзе, среди сухих ветров Забайкалья и запаха полыни от сопот Цугольского хребта, потерявший на фронте отца мальчишка усердно строил свой мир. Его мир пах не бензином и не угольной пылью с железной дороги, как у большинства его сверстников. Он пах гуашью и грифелями цветных карандашей.

Пока другие пацаны гоняли мяч на пустыре возле ДК Железнодорожников, Гений стоял перед своим самодельным мольбертом и пытался поймать цвет забайкальского неба. Небо в Борзе особенное – огромное, выцветшее от солнца до почти белого зенита и густо-синее к горизонту.

Однажды в конце одной суровой забайкальской зимы с Гением случилась беда. Он, не предупредив мать, зачем-то пошёл на гору Буха. На ногах у него были только лёгкие носки и старые валенки. Стояла относительно тёплая февральская погода, на пути к горе появились первые проталины, в одну из таких проталин угодил Гений, сильно промолив ноги. Но, несмотря на это, решил домой не возвращаться, а пойти дальше, к горе.

Погода в это время и в тех краях очень переменчива. Поднялся сильный ветер и пошёл снег. На обратном пути мальчик заблудился, жутко замёрзли ноги и лишь чудом проезжавший на санях житель Борзи заметил Гения и привёз его в посёлок.

Гений остался жив, но получил воспаление лёгких и, что самое страшное, сильное обморожение обеих ног. Врачам пришлось ампутировать несколько пальцев на ногах. Ефросинья

чуть с ума не сошла от страха за своего ребёнка: день и ночь сидела у кровати сына. Заботясь о сыне, она поняла что её призвание – это забота и помощь людям.

Шестой класс Гений закончил дома, но, как всегда, на одни пятёрки. Наблюдающий врач сказал Ефросинье:

– Гений поправится: организм у него очень сильный, да и пальцы ампутировали очень аккуратно; возможно, даже не будет хромоты. Но в армию не пойдёт! Это точно.

Слова доктора даже порадовали Ефросинью: очень уж ей не хотелось, чтобы её единственный сын, пусть и нескоро, но пошёл в армию. А ноги заживут!

В начале восьмого класса в их школу пришёл новый учитель рисования, выпускник Иркутского художественного училища Борис Борисович. Хотя он и не преподавал в классе Краснова он, увидев наброски Гения – суровые лица бурят-скотоводов, зарисовки станции Борзя во время буранов и бесконечные степные дали, не скрывая удивления и восторга, показывал головой:

– Тебе здесь тесно станет, Гений. С твоим талантом тебе надо либо забыть про творчество, либо ехать учиться. В Москву тебе надо, в художественное училище поступать сразу после десятого класса. А я тебе помогу!

Для парня из рабочего посёлка, живущего вместе с матерью – младшей медсестрой в поликлинике, слова учителя звучали как приглашение к полёту на Марс. Москва была другим миром. Что там миром – другой планетой. Но зерно упало в благодатную почву. Следующие два с половиной года Гений жил только подготовкой. С Борисом Борисовичем он изучал основы академической живописи на его кружке, который посещал постоянно. После уроков мальчик рисовал стенгазеты, плакаты, оформлял стенды; таким образом Гений оттачивал своё мастерство, да и в школе все были безумно довольны. Ночами, обложившись библиотечными книгами по истории искусств, он засыпал над репродукциями Серова и Левитана. А мать тихо плакала от переполнявших её двух различных чувств – гордости за сына и его талант и горечи от скорой разлуки.

В июне 1951 года Гений Краснов – единственный из выпускников Борзинской средней школы – получил аттестат с отличием и золотую медаль. Учиться ему всегда было легко, у мальчика была очень хорошая память и хваткий логичный ум. Он часто не понимал, что сложного в решении той или иной задачи или написании сочинения – всё было для Краснова как бы само собой разумеющимся.

В день отъезда допотопный вокзал Борзи показался Гению концом света: пыльный перрон, гудки маневровых тепловозов, красные вагоны. Мать сунула ему в рюкзак банку солёного сала, мешочек кедровых орехов и толстую тетрадь для эскизов, в которую была вложена непонятно откуда вырезанная бумажная икона. Мать не плакала, а лишь крепко обняла сына и сказала:

– Учись, сыночек, не думай ни о чём плохом – со мной всё будет хорошо, только пиши чаще. Я буду тобой всегда гордиться! И если что, приезжай – здесь ты всегда дома! Сколько же доброй мудрости было в этой простой женщине! Как ей было непросто так далеко отпустить единственного сына и остаться совсем одной! Но она понимала и знала, что её Гений не простой парень, а наделённый недюжинным талантом художник, и самое главное сейчас для неё – это его будущее!

Пришедший провожать Гения Борис Борисович вручил ему плотно запечатанный конверт и сказал:

– Отдай это, когда будешь подавать документы в училище. Будут спрашивать, ответь – ничего не знаю, пусть откроют и прочитают... И удачи тебе: помни что бы ни случилось, у тебя есть то, чего нет у очень многих – талант!

Старый плакат дёрнулся, Гений смотрел, как уплывает назад водонапорная башня – главный ориентир родного города, и думал только о хорошем...

2. Художниками становятся...

Москва оглушила. Она давила не только шумом метро и толпами на Площади трёх вокзалов, но и своим масштабом.

На первом творческом просмотре в Московский государственный художественный институт, который совсем недавно получил имя великого русского художника Василия Ивановича Сурикова, Гений увидел работы столичных ребят: академический рисунок такой чистоты, какой он в своей Борзе и представить не мог. Преподаватель лениво пролистал его папку с забайкальскими пейзажами.

– Провинциально, – бросил он. Света нет. Рефлексы грязные.

Однако до дальнейших вступительных испытаний – рисунок, живопись и композиция – Краснов был допущен. И впоследствии он успешно их сдал. Когда настало время нести документы в приёмную комиссию, Гений только в последний момент вспомнил про конверт Бориса Борисовича.

– Что это? – строго спросили сидящие за длинным, покрытым красным плющом, столом серьёзные люди.

– Не знаю, мне мой учитель дал, когда провожал меня на вокзале, – честно ответил Краснов.

Конверт был вскрыт. Там было большое развёрнутое письмо с просьбой принять Геня Краснова в училище. В письме была характеристика юноши и описание его социального положения. Письмо было подписано более чем пятьюдесятью преподавателями и выпускниками Иркутского художественного училища. Борис Борисович специально ездил в Иркутск, чтобы показать работы Краснова в своём училище и подготовить письмо.

Читали письмо долго. Потом попросили Краснова выйти из аудитории, а через двадцать минут пригласили снова:

– Молодой человек, что ж Вы сразу конверт нам не отдали на первом просмотре? Мы бы Вас на наших конкурсах не мучили. Вы, несомненно, талантливый человек, но надо учиться, и Вы будете учиться у нас. Поздравляем Вас – Вы приняты на первый курс Московского государственного художественного института имени Сурикова.

– Спасибо! А я и забыл про этот конверт, только сегодня вспомнил..., – улыбаясь и волнуясь, произнёс Краснов.

– Не в конверте дело! Я всё сразу понял про Вас, когда увидел ваши домашние рисунки, – вдруг сказал тот самый первый преподаватель.

Первые полгода в общежитии стали самым чёрным временем. Гений жил только благодаря продовольственной карточке литерной категории. Хлеб казался пресным и невкусным, а знаменитые московские бульвары – чужими и равнодушными. По ночам вместо гула водосточных труб на Трифоновской улице Гению чудился свист ветра в родном Забайкалье. Ему хотелось найти где-то денег и купить билет обратно, выйти на том самом пыльном перроне Борзи и навсегда забыть про кисть. Но восточно-сибирский характер оказался крепче московской тоски.

После Нового года начали платить стипендию – небольшие, но деньги. Можно было ходить в Третьяковскую галерею, подолгу рассматривать, картины, покупать краски, кисти и, наконец, выработать свой неповторимый художественный стиль. Два долгих года Краснов мучительно нащупывал свою нишу в живописи и нащупал! Его «визитной карточкой» как художника стали величественные пейзажи родной природы, которую как бы невзначай чуть изменил человек.

В конце третьего курса на выставку студенческих работ заглянул известный московский художественный критик. Его взгляд зацепился за огромный холст, написанный Красновым после зимней сессии, – голая зимняя тайга, пробитая одной лишь линией старой железнодорожной насыпи. Критик долго молчал, а потом спросил фамилию.

– Краснов... Из Борзи, – хрипло ответил Гений.

Через год прошла его первая персональная выставка в небольшом камерном зале на Покровке. Называлась она просто – «Степной ветер». Москвичи, привыкавшие к пёстрому авангарду, стояли перед этими холодными, строгими полотнами в недоумении, а потом возвращались снова. Они вдруг увидели в работах молодого самородка из далёкого рабочего посёлка настоящую Россию – ту, что начинается далеко за Уральским хребтом, там, где заканчивается асфальт и начинается вечность...

В пятьдесят шестом году, когда в Москве только-только осела пыль после шумных выпускных торжеств Суриковского института, Гений получил на руки синий картонный билет с печатью Министерства культуры. Распределение. Слово это для выпускников звучало как приговор или, наоборот, как начало большого пути – зависело от того, куда выпадет жребий. Ему выпал Брянск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.